

Наталья
Филимонова

Царевна,
сущназ
и царский указ

Наталья Филимонова

Царевна, спецназ и царский указ

«Автор»

2023

Филимонова Н.

Царевна, спецназ и царский указ / Н. Филимонова — «Автор»,
2023

Никогда не предлагайте наследной царевне вести хозяйство в доме на семерых холостяков! Вам же хуже будет! Алька из Тридевятого охотнее за меч возьмется, чем за сковородку. Правда, что с этим мечом делать (и как его хотя бы поднять!), она не особенно представляет... Ну да ничего – учителей вокруг вон сколько! А что ей еще остается? Престол злобная ведьма захватила, а собственный жених-королевич на выручку что-то не торопится. Говорят, ходит кругами и спрашивает дорогу у неодушевленных предметов. Придется брать дело в собственные руки!

Содержание

Глава первая, в которой царевна отправляется на погибель	5
Глава вторая, в которой царевна оказывается не в своей тарелке (и не только тарелке)	10
Глава третья, в которой судьба царевны решается без ее ведома	17
Глава четвертая, в которой царевна сталкивается с тяготами и лишениями (не говоря уже о козе)	23
Глава пятая, в которой повествуется о благодарности царской семьи	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Филимонова

Царевна, спецназ и царский указ

Глава первая, в которой царевна отправляется на погибель

– Как же так, деточка... как же мы теперь... да как же ты... – кормилица подвывала, не останавливаясь, на одной ноте, и от ее причитаний начинало потихоньку уже звенеть в голове – будто и так все недостаточно безнадежно.

– Цыц, дура! – дядька Семен из конюших, что учил когда-то в седле сидеть, будто прочитал Алькины мысли. – Может... может, обойдется еще. Вдруг... эээээххх...

В глазах у него самого стыла влага, но он по-солдатски хлопнул девушку по плечу – так, что Алевтина привычно чуть присела. От его грубоватой заботы и тоски, читавшейся во взгляде, хотелось подхватить тоненький нянькин скулеж. Ну или просто и безыскусно разрешиться. И, может, даже броситься дядьке на шею, размазывая слезы по лицу и умоляя защитить, охоронить.

Так умоляя, как совсем не подобает царевне.

Но под локти ее все еще придерживали стражники – не дернуться, а из узкого окна во втором этаже терема презрительно и холодно наблюдала, кривя губы, Наина. Красивая, надменная, гордая. Настоящая царица. Та, что намеревалась занять ее место. И доставлять ей лишнее удовольствие Алька не собиралась.

Горничные и сенные девки тихонько всхлипывали, утирая глаза передниками и подолами, дворовые мужики отворачивались. А вот из бояр никто проводить не вышел – бояться.

Елисей стоял чуть в стороне от ревушей и причитающей челяди, смотрел отчаянно и безнадежно, закусив чуть полные, красиво обрисованные губы. Поймав ее взгляд, шепнул едва слышно:

– Жди. Я приду. Найду тебя.

Не кивнула – только опустила ресницы. Ни к чему давать Наине лишний повод быть настороже.

И все же та заметила что-то. Приподняла брови понимающе и насмешливо.

Бросив последний взгляд в узкое окно, Алевтина вскинула голову, распрямила плечи. Она – царевна и законная наследница престола своих предков. Никто не поведет ее силой. Резким движением стряхнула руки стражей и ровным шагом, с прямой спиной сама прошла к карете – черной карете с зарешеченными окнами.

Дорога шла через лес уже не первый час, и за зарешеченными оконцами давно стемнело. Ехали шагом – спешка была ни к чему, добраться планировали только к утру. Узкий серпик месяца едва светил, и в черной коробке кареты мгла стояла кромешная. Немолодая служанка дремала на второй лавке, посвистывая во сне. Аля мысленно хмыкнула: хорошо хоть, стражу с ними сажать не стали.

А еще хорошо, что Наина не опустилась до того, чтобы обыскать ее. Узкий нож Алька стянула с кухни и припрятала в сапоге загодя. Всегда приятно ведь, когда враги тебя недооценивают.

Наина – ведьма, хоть и недоучка. И, как всякая ведьма, она слишком полагается на свое ведовство. Всякий, кто чарам не обучен, мнится ей вовсе беспомощным, беззащитным. И многого, ох многого, она об Альке не знает.

Действовать приходилось медленно, осторожно, замирая всякий раз, как карета подскакивала на очередной кочке, чтобы ни в коем случае не звякнуть о металл металлом. Замок-то здесь вовсе простенький, только подцепить задвижку да потянуть... получилось!

Аля осторожно придержала дверь – нельзя сразу распахивать, заметят! – и выглянула наружу. Возницу отсюда было не видно, а вот стража на облучке и вовсе, кажется, задремала. Тем лучше! Зато позади кареты следовал целый конный отряд – и уж там-то никто не спал. Ехать им на узкой дороге приходилось колонной по двое.

Царевна медленно, замирая и осторожноничая, попробовала, как ходит дверь. Хорошо! Петли смазаны, стоит отпустить – бесшумно захлопывается сама. Главное – выскользнуть незаметно. Попытка будет только одна. Пусть все звезды сойдутся!

Дорога чуть вильнула, и ветки кустов у обочины заскребли по дверце кареты. Месяц как раз в этот миг скрылся за облаком. Ну – похоже, лучшего момента и не будет. Пора!

Глубоко вдохнув, царевна приоткрыла дверцу, преодолевая сопротивление веток – совсем слегка, только чтобы проскользнуть, благо ей не так и много места-то надо – и выпрыгнула из кареты в просвет между кустами, тотчас откатываясь под прикрытие ветвей. Дверца за ней захлопнулась.

Сердце заполошно стучало, бухая в ушах так, что казалось, сейчас найдут ее только по этому громовому стуку. Она осторожно приподняла голову, всматриваясь сквозь кусты в дорогу, туда, где были слышны голоса негромко переговаривающихся солдат – ее стражи.

– ...Показалось?

– Зверь пробежал, верно.

– Добро...

Алька замерла в кустах, не шевелясь и стараясь не дышать вовсе, хотя бок, ушибленный при падении, отчаянно болел, да и царапины от веток на лице и руках саднили.

Ничего, потом можно будет сколько угодно себя жалеть – позже, когда опасность минует и можно будет не ждать в любую минуту погони. Нескоро, наверное. Ну да с лошади, бывало, большее падала, а дядька Семен говорил – охота пуще неволи, никто не заставляет тебя, желала учиться – так и не ной, царевна. Она и не ныла.

Жаль, сейчас лошадь взять негде, и неизвестно, сколько придется брести по лесу пешком.

Ничего. Сдюжит. Куда ей деваться? Жить-то хочется. И не только жить, но и свое себе вернуть. Прятаться всю жизнь Алька не собиралась.

Выждав, пока не только из виду отряд скроется, но и топот копыт затихнет, Алевтина приподнялась сначала на корточки, а затем, болезненно охая и придерживаясь за ствол ближайшего дерева, и встала на ноги. Надо было куда-то двигаться. Рано или поздно ее пропажу обнаружат – и будут, конечно, искать. Двигаться обратно по дороге нельзя – заметят сразу, а конные догонят быстро. Значит, надо уходить вглубь леса. А там видно будет. Может, встретится какое-то село – авось, уж не откажут добрые люди царевне-то своей в приюте.

...Идти пришлось всю ночь. Алька всегда считала себя сильной и выносливой – сколько в детстве с мальчишками дворовыми бегала! Ох и ругался батюшка тогда... а уж как Наина кривилась!

А после занятий верховой ездой первое время место, откуда ноги растут, так болело, что ни сесть, ни встать, да и ходить раскорякой. Наутро, казалось, и вовсе из постели не подняться. А потом ничего, попривыкла. Бывало, без малого по два часа в седле проводила и даже рысью лошадь пускала. Небось, Наинка бы и получаса не вытерпела. Что там – секунды бы на лошади не удержалась! Да и из боярских дочек – уж точно никто.

Хотя, послы сказывали, в заграничах благородные девицы сызмальства верховой езде обучены были. Собственно, только благодаря этому и удалось когда-то батюшку уговорить, чтоб ей учиться позволил. А то все говорил – неприлично, мол.

Правда, потом оказалось, что заграничные барышни как-то по-хитрому в седле сидят, да и седло у них особое – дамское. Приличное, значит. Только когда это выяснилось, было уже поздно – Алька выучилась ездить, как заправский солдат, а чтоб исподним не светить, под сарафан нарочно мужские портки поддевала. Все уж и привыкли, что царская дочка то ли за заграничными модами следит, то ли просто с придурью.

...Только вот теперь оказалось, что для ходьбы долгой тоже особая привычка нужна, навроде как на лошади чтобы сидеть. Казалось бы – что за премудрость, иди себе и иди, знай переставляй ноги. Поначалу думала и вовсе бежать, только в темноте да по буеракам неспродручно оказалось.

А после выяснилось, что и от ходьбы можно очень даже устать. Особенно с непривычки, да по лесу, где то нога соскальзывает, то кочка некстати подворачивается, то ветки по лицу хлещут да за одежду цепляются. И сапожки ее – любимые, удобные мягкие сапожки со звонкими каблучками – вовсе для звериных троп не приспособлены.

А еще все время чудились в темноте звуки. Где-то в вышине начинали вдруг зловеще поскрипывать ветки, ухала сова, вдали и вовсе чудился порой волчий вой. Или мимо пробежал зверь – неведомо какой, а только, заслышав хруст веток, Алька каждый раз вздрагивала, шараялась, а то и срывалась в панический бег – ненадолго, дыхания не хватало, ноги переставали уже держать. Несколько раз она даже падала, но упрямо поднималась и продолжала свой путь – неизвестно куда.

«Рано или поздно лес все равно закончится, – уговаривала она себя. – На карте там было того леса три локтя в ширину! И вообще, я сильная. Я еще не то могу. И никакие волки меня не сожрут, вот! Это просто было бы слишком глупо – удрать от стражи и попасться волкам. У меня, в конце концов, ножик есть! И еще я по деревьям лазать могу. А волки не могут. Наверное. Ой, а пить-то как хочется...»

На самом деле в то, что на нее могут напасть звери, царевна не очень-то верила. То есть знала, конечно, что звери в лесу есть, и пугалась при каждом шорохе, как полагается, но все-таки в глубине души считала, что с ней такого случиться никак не может. Ну да, слыхала, что крестьянина, бывает, медведь задерет, или там кабан. Иногда и на охоте кого подранят. Ну так а сколько их, крестьян да охотников! Их и по именам-то, поди, никто не знает. Но ее, единственную настоящую царевну в стране? Быть того не может! Хотя Наина-то, поди, только того и ждет...

И ей в самом деле везло. Хотя изрядно хромающая уже и ободранная царевна сейчас вовсе бы так не сказала.

«А потом обо мне будут слагать сказки... – Алевтина даже попробовала гордо расправить плечи, но пыхтеть не перестала. – Как из зависти отправила злобная ведьма прекрасную царевну на погибель, и как пожалели ее охранники... пусть будет пожалели. И отпустили. И как шла прекрасная царевна всю ночь через темный лес, все ножки сбила, платье оборвала, страху натерпелась, от гибели верной спасаясь. Потом обязательно должно быть что-нибудь такое... героическое! Какой-нибудь подвиг. Например, на меня чудище нападет, а тут откуда ни возьмись кааак выскочит Елисей! И скажет чудищу... что-нибудь тоже такое... героическое скажет».

Воображение у царевны было богатое, так что и чудище ростом с дом, и героического Елисея она представила вполне ярко. Правда, никак не получалось вообразить все так, чтобы Елисей героическую речь сказать успел, а чудище ему голову откусить, наоборот, не успело. И как это у сказителей выходит? Может, при виде героев все злодеи и чудища со страху цепенеют? По крайней мере, с их стороны это было бы вежливо.

Каблук, угодивший в какую-то ямку, отчетливо хрустнул, и царевна совсем уж невоспитанно чертыхнулась.

...Таких испытаний наверняка ни одной царевне еще на долю не выпадало! Знал бы батюшка, на что ее обрекает, когда указ свой подписывал! А все Наинка, ведьма проклятая, батюшку околдовавшая! Алевтина даже всхлипнула от жалости к себе.

...А ведь в лесу, бывает, не только звери водятся. А если не зверь лютый, а разбойник лихой попадется?

Разбойники в воображении Альки отчего-то выходили сплошь благородными и с елисеевыми голубыми глазами. И главное, они обязательно в конце концов брали хромающую красную девицу на руки и несли куда-нибудь, где кормят, поят и можно поспать.

Потом, конечно, они захватывали царевну в полон и требовали выкупа, планируя потратить его исключительно на помощь сиротам и бедным вдовам.

«Ха-ха, – мысленно скривилась Алька, – а Наинка за меня так и заплатила выкуп... щазззз! Придется самой с разбойниками договариваться... без выкупов! Но ничего, вот я им пообещаю после воцарения всеобщую справедливость и вот эту... как ее... амнистию, во! А может, даже вовсе – возглавлю разбойничий отряд и с ним подниму восстание...»

Когда между деревьями будто бы начало светлеть, у Альки уже не было сил ни вздрагивать, ни пугаться, ни срываться в бег, ни даже вообразить будущие былины о себе. Она много раз в пути останавливалась, но садиться или тем более ложиться и засыпать было все же слишком страшно. Была мысль попробовать забраться на дерево и прикорнуть на ветке – все безопаснее! – но царевна не без оснований подозревала, что сверзится с этой ветки, как только закроет глаза. К утру она едва переставляла ноги, из чистого упрямства – благо этого добра у нее было немеряно – уговаривая себя на каждый новый шаг. А лесу все не было ни конца, ни края.

В то, что деревья становятся реже, она поверила не сразу. Увы, это оказался не конец леса – всего лишь поляна посреди чащи. Но на поляне ее ждало настоящее чудо – дом. Большой, в два этажа, со множеством мелких построек вокруг, явно обитаемый сруб. Место, где наверняка можно переночевать – а то и поесть! И главное – колодец во дворе! Значит, стоит только попросить добрых людей, живущих здесь, и можно будет наконец напиться!

Пожалуй, к этому дому Алька выскочила бы бегом и с радостным визгом, совсем ее положению не подобающим. Помешали ей вовсе не хорошие манеры – всего лишь смертельная усталость, сломанный каблук, да еще пересохшее, схваченное спазмом горло, из которого удалось бы выдавить разве что хрип.

Стучать она и не подумала – нет в Тридевятиом царстве того дома, куда законной его наследнице ход закрыт! Дверь оказалась не заперта, достаточно лишь потянуть на себя. Алька и потянула. И тут же с шумом втянула воздух носом и глотнула набежавшую вдруг вязкую слюну: в доме пахло свежесдобленным хлебом.

– Есть... – выходило сипло, пришлось прокашляться, – есть кто дома?

Никто не отозвался, и царевна бесстрашно миновала сени и вошла в переднюю.

Посреди комнаты стоял большой накрытый стол со множеством расставленных пустых тарелок и кружек. А посреди стола царил котел, накрытый крышкой. Рядом примостились блюда с хлебом – кажется, теплым еще! – и кувшин. С квасом, как убедилась тут же царевна, едва не расплескав его от нетерпения.

Кое-как совладав с трясущимися руками, она плеснула себе кваса в первую попавшуюся кружку и быстро, жадно выпила до дна, проливая на себя и на стол. После облегченно выдохнула и не села – упала на лавку, схватила ломоть хлеба и принялась уписывать его, рассыпая вокруг крошки и снова прихлебывая квас. Хлеб был слегка пригорелым у корки, но сейчас это было совершенно неважно. Оказывается, длительные ночные прогулки пробуждают просто зверский аппетит!

Уже чуть ословелыми глазами Алька наконец огляделась вокруг. Передняя была просторная, светлая, с широкими окнами. У одной из стен располагалась печь, у другой деревянная лестница с резными перилами уходила наверх, в жилье. Под лестницей примостилась узкая кровать.

Впрочем, обстановка все еще занимала Алевтину куда меньше, чем еда на столе. Царевна как раз примерилась к котлу – наверняка в нем найдется что-нибудь повкуснее горелой хлебной корки! – когда, как гром среди ясного неба, послышался скрип двери. В сенях затопотали, загомонили – сплошь мужскими голосами почему-то.

И... уж не оружие ли это звякает?

...А пустых тарелок на столе – ровно семь.

И только теперь вдруг пришла в Алькину голову неожиданная мысль – а хорошие ли люди здесь живут-то? И отчего это живут они в глухой лесной чащобе?..

Сердце ухнуло разом куда-то в пятки. Бросив на тарелку недогрызенную хлебную корку, царевна заметалась по комнате. На секунду даже плюхнулась на кровать под лестницей – мелькнуло детское желание спрятаться под одеялом – но тут же вскочила и юркнула в закут за печью. Авось здесь не сразу увидят – а она пока поймет, кто тут живет и не пора ли снова ножик из сапога вынимать.

Что она будет делать с ножиком, если хозяева и впрямь окажутся лихими разбойниками, Алька не особенно представляла, но мысль о его наличии чуточку грела. Все же она не какая-нибудь там беспомощная девица. Она – вооруженная царевна!

С рассветом черная карета с зарешеченными окнами миновала высокие кованые ворота с витыми прутьями и проехала по аллее мимо фонтана к самому большому зданию среди множества похожих. По раннему часу людей кругом почти не было, хотя нет-нет да мелькали мимо юноши и девушки в одинаковых черных одеждах и с одинаково же замученными изможденными лицами, не обращавшие на карету ровным счетом никакого внимания.

Зато уж у главного здания, ничуть не походившего на высокие терема Тридевятого – белокаменного, с колоннами! – карету ждали: целая делегация немолодых людей с самыми суровыми лицами выстроилась на ступеньках. Пока возница обходил карету, отпирал и распахивал дверцу, самый пожилой и седовласый из них успел поспешно, но с достоинством спуститься и даже начать торжественную речь:

– Добро пожаловать, ваше царское высочество...

Возница тем временем, выждав пару секунд, заглянул в карету и едва не столкнулся лбами с заспанной пожилой служанкой, недоуменно хлопавшей глазами. Одинаково дикими взглядами они посмотрели: он – в карету, а она – наружу, и оторопело отпрянули в разные стороны.

– ...На факультет управления государством... – старичок в мантии, наконец заподозрив, что что-то пошло не так, замолчал, заглянул в карету лично, отступил на шаг и по-птичьи покрутил головой.

– Я не понял, – негромко обратился он после паузы уже к вознице, недоуменно и беспомощно приподняв редкие седые брови, – а где абитуриентка?

Глава вторая, в которой царевна оказывается не в своей тарелке (и не только тарелке)

Хозяева вошли в переднюю гурьбой. Из своего угла затаившаяся, боящаяся дышать Алька не могла их видеть – но озадаченные голоса было слышно прекрасно.

– Эй, а кто это пил из моей кружки? – голос был густой, низкий.

– И ел из моей тарелки... – еще один голос, вполне себе приятный даже. Может, все-таки не разбойники? Наверняка у разбойников должны быть мерзкие голоса.

– И на лавке сидел, кажется – вон, отодвинута!

«Нет, ну что за жадность такая! – мысленно начала уже вскипать Алька. – Что им, лавки жалко? Не сломала же я ее! Или корки хлеба?»

– И на моей постели, кажется, спал! – этот голос, самый изумленный, был и самым молодым. Тут же послышался звук мягкого удара, будто кому-то дали подзатыльник – не серьезный, а так, для острастки. Мужчины расхохотались.

– Так-то ты хозяйничаешь, что вор у тебя на постели даже выспаться успеваешь! – под еще один взрыв хохота добродушно произнес самый первый голос.

– Да я на минутку только...

Договорить оправдывающийся не успел, потому что тут уж царевна стерпеть не могла. Так ее еще никто не оскорблял! Да еще кто! От негодования она забыла даже про ножик – так и выскочила из своего закута, отчаянно краснея и сжав кулаки.

– Я вам никакая не воровка! Сами-то! В лесу живете, знать, разбойничаете, людей добрых грабите, а царевне своей горелой корки пожалели!

Вдохнув, чтобы продолжить кричать, Алька наконец моргнула и рассмотрела хозяев. И рот почему-то сразу закрыла. И сглотнула. Хозяева стояли перед ней гурьбой – все семеро. Все, как на подбор, высокие, плечистые – чисто шкапы платяные. Одеты все одинаково – в просторные рубахи и штаны, на ногах не лапти – сапоги.

...Помнится, ей когда для нарядов отдельную горенку отвели, плотник заместо сундуков несколько новомодных шкапов смастерил, высоких таких, широких, и с одинаковой резьбой по дверцам. А посол из Тридесятого словечко еще подсказал: гар-ни-тур...

Гарнитур смотрел на нее изумленно и весело. То есть – тьфу! – разбойники смотрели.

– Цареееевна, значит? – с добродушной насмешкой переспросил самый старший из разбойников – чуть ниже прочих ростом, коренастый, ширококостный и крепко сбитый, с короткой, слегка седеющей уже бородой.

– Алевтина Игнатьевна вообще-то! – Алька подбоченилась. – Единственная законная правительница и будущая царица Тридевятого!

– Ну раз раз цареееевна!..

Разбойники дружно расхохотались. И Алька вдруг с ужасом осознала, что ей просто не верят. И еще – что она не имеет никакого представления, как ей доказывать, что она – это она.

Честно говоря, Алевтине никогда в жизни не приходилось не то что объяснять или доказывать, кто она, а даже просто представляться. На всякого рода официальных приемах ее официально же и представляли слуги. А при выступлениях перед народом – глашатаи. Если доводилось куда-то выезжать – ее всегда ждали. И тоже объявляли громко и во всеулышание.

Но на самом деле и это-то делали просто потому что так положено. Всю Алькину жизнь все вокруг – вообще все, кого она когда-либо встречала, совершенно точно знали, кто она такая. Даже если сама она видела их впервые и никогда не слышала их имен.

Да и как не признать царевну, если и наряд на ней всегда соответственный случаю, но обязательно роскошный и богатый – даже на верховых прогулках, и свита с охраной всегда при ней. И ей действительно никогда попросту в голову не приходило, что кто-то может и не узнавать ее в лицо.

Вспомнилось отчего-то, что и монеты в Тридевятиом по сегодня еще печатались старого образца: с матушкиным профилем на одной стороне и батюшкиным – на другой. Это когда она замуж выйдет да на престол взойдет, тогда и новые монеты чеканить начнут, с ней и Елисеем.

Сейчас при царевне не было свиты. А наряд на ней был грязный и изодранный в клочья. Щеки и руки расцарапаны... на что похожи волосы, даже думать не хотелось. По дороге распустила растрепавшуюся до невозможности прическу и заплела в простую косу, как у крестьянки – только и та сейчас похожа была на старое мочало, усеянное вдобавок репьями и сором.

А хотя... может, оно и к лучшему? Не знают, кто она, – значит, и не выдадут Наинке. Ну кому, в самом деле, в голову придет, что сама наследница престола, как побирушка какая, по домам ходит? Вот только если Алька вроде как простая девка, то выходит, что она и впрямь просто так забралась в чужой дом... даже, может, разбойничий...

– Да ты не бойсь, девица, – уже серьезно сказал мужчина, заприметив, видимо, смену выражений на ее лице. – Не обидим! Как же ты к разбойникам-то в логово залезть не побоялась?

Алька приободрилась.

– Так устала очень, дяденька, – затараторила она, – пить так хотелось, аж желудок от голода свело и переночевать-то негде стало, я и смотрю – полянка, на полянке – избушка, думаю, люди добрые живут, уж наверное, цар... красной девице в приюте не откажут!

– Не полянка, – деланно-укоризненно вздохнул мужчина, – а тренировочный лагерь. Не избушка, а точка дислокации. Не люди добрые, а особый царский отряд богатырей специального назначения...

Аля вытаращила глаза, впервые не находясь, что сказать. Богатыри, надо же! А вот хорошо это для нее или плохо?.. С одной стороны, они ее как наследницу престола оберегать должны. И зла никак причинить не могут. А с другой – выходит, Наинке-то они присягали...

– А отчего ж Алевтина Игнатьевна, а не Наина Гавриловна сразу-то, раз... правительница? – это спросил тот из богатырей, что стоял чуть в стороне от всех – высокий, худощавый, чернявый, нос клювом – галка и галка. А бороды не носит, выбрит гладко, по заграничной моде. И голос у него оказался под стать внешности – резкий, хриловатый, будто не говорит – каркает. Этот не смеется – смотрит черными своими глазами-кинжалами, будто мысленно царевну уже разрезал и потроха ее разглядывает превнимательно. – Помнится мне, царь-батюшка Игнат Станиславович личным указом своим повелел назначить регентом, сиречь правительницей...

Мысли о том, что раскрывать себя, может, пока и не стоит, мгновенно снова выветрились из Алькиной головы. Потому что из-за этого самого указа все так и случилось, да этот указ ей всю жизнь, можно сказать, поломал!

– До моего венчания! – запальчиво перебила она. – Она должна была хранить престол, пока я замуж не выйду по древнему закону нашему, с благословения семьи! И вообще она батюшку околдовала, а то бы ни за что он со мной так не мог поступить! Все знают, что ведьма она!

– Так, – обронил вдруг самый высокий из богатырей, все время стоявший, сложив руки на груди. И от одного того, как веско прозвучало это единственное слово, стало вдруг совершенно ясно, что главный здесь – не тот, что старше всех по возрасту, а именно вот этот, молчаливый, с курчавой темно-русой бородкой и серыми внимательными глазами. И разом все замолчали, стерлись усмешки с лиц. – Ратмир, слетай-ка, выясни.

Чернявый молча кивнул и вышел.

– Девица... – главный смерил ее тяжелым взглядом, – отдыхай пока. Ежели голодна – накормим. А то поспала бы, коли всю ночь шла. Чай, не обидим...

Облегчение от того, что ее не собираются вроде бы ни убивать, ни возвращать домой прямо сейчас, навалилось тяжелым одеялом вместе с усталостью. Алька покосилась задумчиво на по-прежнему закрытый котел на столе, а затем на кровать под лестницей, смятую после ее метаний. Манило то и другое, но что сильнее? Об этом стоило, пожалуй, подумать. Царевна опустила на лавку, подперла щеку рукой и прикрыла глаза – так думалось куда лучше. Будто издалека послышался чей-то тяжкий вздох.

– Светик, снеси-ка ее на кровать. На свою положи пока, там разберемся, все одно тебе днем не пригодится. Пусть поспит, болезная.

Мир качнулся и поплыл, но это было уже совершенно неважно. Как и хлопанье крыльев где-то за порогом.

– ... На дороге ищут. Действительно царевна Алевтина Игнатьевна, направлялась в Международную академию при Городе-у-Моря на обучение, пропала в пути, предположительно в лесу на территории Тридевятого. Правительнице Наине весть из академии отправили с птицей.

Резкий голос чернявого ввинчивался в наполнявший голову туман. В полусне носатый Ратмир представился Альке огромным комаром-кровососом, трепещущим крылышками и мерзко звенящим, вот сейчас прихлопнуть бы...

– К-кышшш... – пробормотала она.

– Проснулась? – ласковый голос того из богатырей, что был старше других, не оставлял шансов. По ощущениям Алька буквально только что закрыла глаза, а голова как будто стала только тяжелее, но где-то очень-очень глубоко в душе она уже понимала, что отвертеться не выйдет. Это тебе не дома с боку на бок переворачиваться. Помня о множестве незнакомых мужчин, разгуливающих вокруг, спокойно спать дальше все равно не получится. С тяжким стоном царевна приоткрыла глаза, приподнялась, шурясь, а затем и села на кровати.

– Раз проснулась, давай знакомиться, – спокойно и рассудительно продолжал богатырь. – Иди, квасу выпей, спросонок самое то. А до обеда спать не след, все одно не выспишься. Скорее ночью уснешь.

Несколько мгновений Алька еще моргала, опустив голову. Вставать не хотелось – но выбора, кажется, не было. Надо, в конце концов, разобраться, к кому ее занесло. А заодно – помогут ей здесь или... наоборот. Она встала, с усилием расправив плечи и, стараясь не шаркать ногами, добрела до стола, чтобы плюхнуться на лавку. Еды на столе уже не было, но самый молодой из хозяев дома – почти мальчишка – метнулся куда-то и принес кружку с квасом, чтобы протянуть царевне. Она благодарно кивнула и сделала глоток. Остальные богатыри уже сидели вокруг.

– Ну, давай знакомиться, Алевтина Игнатьевна, – молчавший до сих пор главный пристально, не стесняясь, разглядывал ее. – Меня Михаила звать, я старшой отряда. Это Савелий, мой заместитель и главный по хозяйственной части, – Михаила кивнул на того, что выглядел старше других. Савелию было, пожалуй, лет под сорок, а то и поболее.

Алевтина величественно кивнула поочередно Михайле и Савелию. Странно, оба богатыря обращались к ней так, будто она была обычной девицей – может, и из благородной даже фамилии, но никак уж не царевной. Так запросто с ней, кроме Наины да батюшки, никто и никогда не разговаривал. Даже дворовые мальчишки, с которыми тайком дружила в детстве, хоть и принимали ее в свою компанию, но неизменно кланялись и глаза опускали. Богатыри же говорили с ней, как равные, и смотрели прямо в глаза. И почему-то это совсем не коробило, а казалось даже естественным.

– Ратмир – лекарь отряда, – представил Михаила чернявого. Тот лишь слегка высокомерно кивнул. А у царевны будто что-то щелкнуло в голове: лекарь? “Ратмир, слетай...”

– Колдун? – она настороженно переводила взгляд с Михайлы на Ратмира. Правду скажут? Утаят? Колдунов она не любила...

– Маг без диплома, – по тону чернявого было ясно, что обсуждать это он не собирается. Колдунов-недоучек Алька не любила особенно. Спасибо Наине. Да и, пожалуй, не только она... Кто их вообще любит-то?

Этот-то отчего не доучился? Выгнали, поди? То-то в армию подался, больше нигде, небось, не пригодился!

– Олешек, – самостоятельно представился густым басом следующий богатырь – ростом, пожалуй, чуть пониже Михайлы, но еще больше того похожий на гору. Из тех, про кого говорят “косая сажень в плечах”. Рука в самом узком месте толщиной с Алькину ногу, кажется. А волосы белые-белые, аж льняные. Как и борода. И глаза прозрачные.

– Алеша? – переспросила царевна.

– Не, – человек-гора коротко мотнул головой и замолчал. Будто застеснялся. Но переспрашивать второй раз постеснялась уже Алевтина.

– Анжей, – зеленоглазый молодой богатырь с рыжевато-каштановыми волосами обаятельно улыбнулся и подмигнул. И Алька поневоле улыбнулась в ответ, хотя рыжих вообще-то тоже недолюбливала. Были причины. Надо же, имя-то нездешнее, откуда только взялся...

– Акмаль, – бархатным голосом назвал свое – еще более непривычное – имя следующий богатырь. Алька перевела взгляд на него... и потерялась. Акмаль был совершенно бесспорно красив. Тоньше других, но не угловатый и резкий, как Ратмир, а какой-то гибкий, с текучими плавными движениями, он был так же черняв, но на этом сходство и заканчивалось. Если у колдуна были короткие встрепанные волосы, то этот носил длинный, до лопаток, хвост по восточной моде. Жгучие, чуть раскосые глаза, тонкий нос с едва заметной хищной горбинкой, узкое лицо с острыми скулами – вроде бы по отдельности во всем этом не было ничего особенного, но все вместе смотрелось так, что, глядя на него, даже дышать получалось через раз. Акмаль улыбнулся, и Альке стало совсем жарко.

– Святослав! – сказал кто-то рядом, и царевне пришлось сделать над собой усилие, чтобы перевести взгляд на говорящего. Это оказался самый младший из богатырей – тот, что принес ей кваса и, кажется, тот, на чьей постели она спала. Пожалуй, он был ее лет, а может, и немногим младше, но отчаянно старался казаться взрослым и солидным, надувая щеки, хмуря брови и расправляя плечи. И царевна вдруг заподозрила, что примерно так может выглядеть со стороны и она сама. То есть... нет, ну глупости – не может, конечно! Она царевна, в конце концов!

– Светик! – с ухмылкой подсказал Анжей, и Светик обиженно засопел.

– Святослав в учениках пока, – мягко пояснил Михайла. – Стало быть, будем знакомы, Алевтина Игнатьевна. А теперь расскажи-ка ты нам, как в лесу оказалась, отчего до академии не доехала и что за странные речи про правительницу Наину сказывала.

Алька глубоко вдохнула – и выдохнула. Хлебнула квасу. Вообще-то этот рассказ она готовила давно, но вот так, спросонок, не собравшись с мыслями, объяснить все было не так-то просто. Ведь всякий решит: дурь и блажь девице в голову пришла! Все ведь думают... ай, была не была! Рассказывать, так как есть – с начала!

– Все вы знаете, что матушка моя, царица Анна, родила моему батюшке, царю Игнату, только одну дочь. Я и стала первой наследницей престола. А перед смертью батюшка мой завещал Наине Гавриловне трон хранить – до моего венчания по закону предков. Согласно закону нашему на престол царь и царица могут взойти только вместе. А замуж наследница должна выйти непременно с родительского благословения... Вот только у меня теперь вместо родителей да всей семьи – одна Наинка и есть. Она и должна, выходит, меня на брак благословить. А только не станет она этого делать. И не собиралась никогда. Для того и батюшку околдовала. Все ведь знают, что в академии она ведовству училась, да не доучилась – значит, и клятву особую не давала...

На самом деле будущие колдуны и маги клялись не использовать свои чары во зло еще при поступлении в академию. К обучению допускались лишь те, чье обещание и стремление были искренни – за этим следили специальные артефакты. Только студенческая клятва оставалась до поры на словах – и лишь выпускники, ставшие уже настоящими ведунами, получая диплом, торжественно скрепляли свою клятву магией и делали ее нерушимой. Вот поэтому колдунов без диплома, недоучек и самоучек, все вполне обоснованно опасались – в отличие от дипломированных чародеев, у этих руки не были связаны. Правда, зато и наукой они заниматься не могли, и на работу по ведовской специальности им устроиться было невозможно, да и дела с ними никто не хотел иметь, и во всяком недобром деле их первыми виноватили, а порой и казнили народным судом без всякого следствия.

Но Наинке-то работу искать и не придется. И обвинять ее, кроме Алевтины, некому.

– Не станет она престол отдавать. Выходит ведь как – пока я замуж не вышла, она по царскому указу вроде как вполне законно на троне сидит... правительницей. Вроде как рано мне еще, ума не набралась. А только мне семнадцать лет уже исполнилось, замуж и раньше выходят. Матушке моей семнадцать и было, когда она за батюшку вышла, да и ему немногим больше. И жених у меня есть – Елисей, я его с детства знаю, еще батюшка говорил – жених тебе, мол, растет... только благословения дать не успел.

Честно говоря, при первой встрече тогда, в детстве, состоявшейся на каком-то жутко важном международном приеме, Алька Елисея побила. А батюшка, посмеиваясь, тогда ей и сказал – негоже, мол, мальчиков обижать. Может, это вообще жених твой растет. Пришлось присматриваться.

– Вот она и тянет время. Да она мне все эти годы шагу ступить, вздохнуть не давала! Я из светелки своей не выходила почти! Стражу приставила, даже служанок своих заслала! Я и чихнуть не могла, чтоб ей не доложили. Народ поди забыл и вовсе обо мне, что наследница у царства есть законная! А теперь Елисей со сватовством приехал, честь по чести, с письмом от отца своего. Тут бы и пришлось ей власть передавать, волей-неволей. По закону древнему и воле батюшкиной! Так она надумала услать меня вовсе, дала на сборы одну ночь, да отправила в академию эту самую. Все знают, что туда чужим вход заказан, а учиться пять лет. А там она еще чего придумает. Хотя, думается мне, надеялась она, что я и вовсе сгину в пути. В карету с решетками меня посадила, будто преступника какого!

– То есть ты утверждаешь, что цар... правительница Наина намерена узурпировать власть? – зеленоглазый Анжей смотрел на Альку теперь серьезно, без улыбки. Как, впрочем, и все богатыри. Приходилось мысленно одергивать себя, чтобы не ежиться под столькими сосредоточенными взглядами разом. К всеобщему вниманию Алевтине было, конечно, не привыкать, но обычно на нее смотрели почтительно, порой восторженно, порой подобострастно – и никогда вот так, оценивающе. Так на нее смотрела, пожалуй, только... только Наина. – Серьезное обвинение.

Оговорка богатыря от Алькиного внимания тоже не ускользнула. Это она и за челядью давно заметила – сейчас, по прошествии трех лет, уже мало кто называл Наину “правительницей”. Ведь куда привычнее и проще сказать – “царица”. Пройдет так еще несколько лет – все и вовсе, пожалуй, забудут, что не царица она никакая и не должна бы ей быть.

– Да уж куда серьезнее, – храбрясь, буркнула царевна.

– И доказательства у тебя есть? – взгляд колдуна Ратмира и вовсе резал ножом.

– Да какие вам еще доказательства! – забывшись в гневе, Алька даже вскочила с лавки, но тут же, ойкнув, плюхнулась обратно – напомнили о себе перетруженные ноги. – Вот она я перед вами – законная наследница престола! В возраст вошла, жених, батюшкой одобренный, имеется, пустая формальность осталась – благословить на брак да венец передать! В стране третий год царя с царицей нет – когда в Тридевятом такое бывало?! А чтоб конюхова дочь одна власть держала – бывало ли?!

*

По сути, межвластие в Тридевятом затянулось уже куда больше, чем на три года.

Все дело было в том, что по тому самому древнему закону первым наследником считался первый же ребенок в царском роду – будь то мальчик или девочка. Но взойти на трон, как сказано, могли лишь царь с царицей вместе. Они, как две стороны одной монеты, должны были уравновешивать друг друга – и правили страной вместе, как равные. На всех законах и указах непременно должны были стоять две подписи. При этом муж или жена наследника или наследницы могли быть любого рода – хоть боярского, хоть крестьянского. Лишь бы старшие в царском роду тот брак благословили.

Многие, между прочим, полагали древний закон основой стабильности в стране. Ведь в иных государствах как? Наследует трон старший сын, и все тут. А если старшенький негодящий вовсе али сущеглупый какой попадется? Всякое ведь бывает!

В Тридевятом это решалось просто. Прежде всего для того и нужно было родительское благословение – чтобы мужа или жену наследнику по уму выбрать, а не только по сердцу. Хотя и по сердцу, конечно, тоже. Потому что если в царской семье меж мужем и женой неладно – то и в стране лада не будет. Но если наследник излишне порывист – жена его должна быть мудрой и рассудительной. Если наследница слишком мягка – муж ее должен быть тверд и решителен.

Если же первый наследник вовсе выйдет негодящим, так ему до поры и не давали разрешения на брак – тогда трон наследовал второй или третий ребенок в семье, а то и племянник какой, тот, что первым найдет подходящую пару, которую благословят царь с царицей. Тот же, кто вступал в брак без такого благословения, и вовсе терял права на престол.

А когда царь или царица умирали, оставшийся без пары соправитель считался уже лишь хранителем венца – до восшествия на престол новых царя с царицей. Если наследник или наследница к тому времени уже вошли в возраст и вступили в благословенный брак, то и власть им по обычаю переходила сразу, а вдовый отец или мать лишь помогали им на первых порах с делами справиться.

Вот только в этот раз недоброе вышло. Царица Анна, принявшая престол своих предков вместе с благословленным мужем, погибла совсем молодой – Альке, единственной наследнице, тогда едва годик исполнился. Царь Игнат, любивший супругу пуше жизни, остался хранить трон для дочери. Алька точно знала – не появись в их семье Наина, все шло бы так, как заведено предками. Но Наина появилась и стала частью семьи...

...Когда Альке было пятнадцать, батюшка тяжело заболел. Тогда-то спешно вызвали из академии Наину, учившуюся на втором курсе – на колдовском факультете, конечно. И при свидетелях-боярах Игнат передал царский венец на хранение ведьме-недоучке.

После его смерти-то все увидели наконец настоящее Наинино лицо. Только поздно было...

– Так, может, ей просто тот жених не нравится? – прервал затянувшееся молчание Светик и тут же смутился под взглядом вскинувшейся царевны. – Ну, то есть, может, она думает, что из него царь не выйдет? Или...

– Он мне должен нравиться! – обиделась Алька. – Никогда в Тридевятом наследников не неволили! И потом, чего это не выйдет-то? Он, между прочим, и в академии на факультете управления учился. И рода он самого лучшего. И батюшке он нравился.

– А сколько ему лет тогда было? – как бы невзначай спросил Ратмир. – Елисею твоему? Когда батюшке нравился.

– Да какая разница?!

– Ты погоди, царевна, – размеренно прервал ее Савелий. – Ты нам вот что скажи. Вот сбежала ты. А дальше-то что делать думаешь?

– Ну... – честно говоря, планировать что-то далеко вперед Алька не умела и не любила, а действовать всегда предпочитала по обстоятельствам. Может, и появилась-то у нее эта при-

вычка в пику Наине – та, напротив, всегда все на несколько шагов вперед рассчитывала. –

Вот, я сбежала. На свободе теперь. Теперь меня Елисей найдет... а там... ну... надо, чтобы она нас благословила все-таки. Может, мы народное восстание поднимем? Меня теперь хоть народ узнает. И тогда... Или... Вы, главное, не выдавайте меня, вот Елисей придет, он непременно что-нибудь придумает...

– Так. – Михайла снова одним веским словом заставил ее замолчать. – Разобраться тут надо. С одной стороны...

– Да чего тут... – Алька снова вскинулась, набрала в легкие побольше воздуха, подскочила, забыв даже о натруженных своих ногах, и возмущенным взглядом обвела богатырей. Да только, наткнувшись на ответный, пристальный и недобрый взгляд колдуна Ратмира – глаза в глаза – вдруг споткнулась на полуслове, да так и замерла с открытым ртом.

– Спать, – коротко приказал маг без диплома. И царевна рухнула мешком – Светик, снова случившийся ближе всех, едва успел ее подхватить, чтобы вовсе на пол через лавку не перевалилась.

– Свет мой, зеркальце, скажи... – тон был обманчиво-ласковым: правительница Наина Гавриловна, только что прочитавшая пришедшую с птицей весточку из академии, смотрела в зеркало с нескрываемой яростью. – Где эта мерзавка?!

– Понятия не имею, – зевнуло ее отражение. – Она твой подарок в окно выбросила. И ни одного зеркала рядом!

Глава третья, в которой судьба царевны решается без ее ведома

– Так-то лучше, – ровно продолжил Ратмир. – Теперь и спокойно обсудить можно.

Михайла бросил на него взгляд – не то чтобы одобрительный, но понимающий, и спустя мгновение кивнул. Светик тем временем с пыхтением отволок беспробудно спящую царевну на уже привычное ложе – его собственную кровать – и вернулся за общий стол.

– Итак, – заново начал Михайла, – есть у нас тут царевна. С одной стороны, и впрямь – не дело. Наследница ведь. По всем законам и обычаям – пора бы правительнице Наине трон ей уступить. С другой...

– Видели мы ту наследницу, – холодно усмехнулся Ратмир. – Куда ей страной-то править?

– А что, – нахмурился Акмаль, – хорошая девушка. Ну, молодая, может, наивная еще. Так никто старым не рождается. Оботрется. По праву-то, выходит, не Наинино это место. Пора и честь знать. Наине самой-то немногим больше было, когда царь Игнат помер. Ничего, три года страну держала – да одна, без всякого мужа.

– А присягу воинскую мы Наине Гавриловне давали, – задумчиво произнес Михайла. – Не наше это вообще-то дело – решать, кто на троне сидеть должен.

– Вообще-то в присяге было сказано еще “во благо Тридевятого царства и во соблюдение законов его...” – негромко возразил Анжей. – А закон-то, похоже, на Алевтининой стороне. А еще я слышал, будто и впрямь Наинной-то не все довольны. Налоги в последнее время вдруг поднялись...

– Ты что думаешь? И ты? – Михайла посмотрел прямо Олешка, а затем на Светика, и оба разом опустили глаза.

– Она красивая, – невпопад ляпнул юный Святослав и тут же засмутился. – То есть, я хотел сказать, хорошая же царица будет! Настоящая. И впрямь ведь дочка-то родная единственная, и по праву... – ученик запнулся, стушевался окончательно и замолк.

Олешек вздохнул.

– В наших краях, – тяжело, с расстановкой, начал он, – правителя иначе выбирают. Кто из сыновей докажет, что сильнее, что сможет всех в кулаке держать – тот и будет наследником...

На мгновение все разом представили битву на кулачках между правительницей Наинной и царевной Алевтиной. Михайла даже головой потряс, чтобы избавиться от этого видения, а Светик вдруг мечтательно разулыбался.

– Ну а ты что скажешь? – Михайла обернулся к своему заместителю. Тот помолчал несколько мгновений и тоже вздохнул.

– Скажу, пожалуй, что не дело все же наша царевна затеяла, – негромко заговорил наконец Савелий. – Не знаю уж, как по закону там, неученый я. И кому править – не ведаю, не моего ума дело. А только как бы ни было, все ж одна семья они, в ссоре ли, нет ли. Не чужие люди. Не на месте сейчас сердце Наинино, коли не вовсе каменное оно. Злиться-то наверняка злится, а все душа болит. Пропала девица в глухом лесу – одна, безоружная, мира не знающая, куда идти не ведающая, то ли медведь задрал, то ли люд лихой обидел. Что там Наина сейчас думает, чем казнится? Нельзя так оставлять, грех на душу брать. Сказать ей надо – что жива, здорова, цела, не обижена. Неважно, кто там царица, кто царевна, кто правительница, кто наследница, что делили, да не поделили. А вот просто – по-людски.

Все пристыженно примолкли: о чувствах всесильной правительницы Наины никто из богатей как-то не задумывался. Только Михайла кивнул одобрительно.

– Сообщим. А дальше?

– А дальше она велит вернуть царевну в столицу или доставить в академию, – вмешался Анжей. – И царевна снова сбежит.

– Ну, от нас-то, может, и не сбежит, – скромно возразил Олешек.

– Что, в кустики ты за ней присматривать пойдешь, как нужда припрет? – усмехнулся Анжей, и Олешек стушевался. – С ней целый отряд шел – и не уследили. Мы, может, и пристальнее следить будем, а все веревкой не привяжем. Не арестантка все ж – особа царская. Все одно захочет – так сбежит. Да она целую ночь по лесной чащобе из одного упрямства шла – легко ли было царевне, привыкшей на перинах лебяжьих спать и золотыми ложками есть? Ведь не крестьянская девка. Поди, и страху натерпелась, и похоронила сама себя сотню раз. А все шла. И жалеть не думает! Верит, что все верно сделала. Значит, снова сбежит. И снова пойдет. И на второй раз ей не повезет, как с нами...

– Стало быть, надо Наине Гавриловне сообщить от царевны в тайне, да еще убедить ее как-то, чтобы возвращения Алевтины Игнатьевны пока не требовала... – задумчиво проговорил Михайла.

– И что мы с ней будем делать? Нянчиться по очереди? Заместо подвигов. Тот еще подвиг, конечно, если подумать, – фыркнул Ратмир.

– Не нянчиться, а охранять, – серьезно и веско возразил Михайла. – Наша прямая обязанность вообще-то. Как бы ни было, она – член царской семьи и наследница трона. А мы присягу давали престол Тридевятого хранить. С того мига, как она наш порог переступила, ее жизнь – наша ответственность. И что бы ни случилось с ней – наша будет вина.

– Ясно, – колдун хмуро кивнул: надо так надо. – Если сейчас вылечу, к утру до столицы доберусь.

– А царевна когда проснется? – будто невзначай спросил Савелий.

Ратмир бросил короткий взгляд на девушку на ложе, как раз перевернувшуюся на другой бок, что-то пробормотал себе под нос и очертил рукой в воздухе какой-то знак.

– Нескоро. Пусть... выспится.

В эту ночь правительница Наина Гавриловна не спала. Она металась из угла в угол, открывала какие-то книги, перебирала свитки и с рычанием отбрасывала их. Растрепанная, с покрасневшими глазами, меньше всего она сейчас походила на великолепную властительницу, которую привыкли видеть подданные, при которой слуги боялись вздохнуть лишний раз, от чьего лишь взгляда замирали в страхе. Окно в ее светелке было распахнуто настежь – разосланные во все города и веси голуби улетали и возвращались ни с чем, и особым указом им велено было нести вести сразу правительнице, минуя всех писцов и прочих прихлебателей. Благо, ученым птицам достаточно было метки, вывешенной на ее окне.

– Ну что, что я должна была сделать?! – всхлинула она в очередной раз, упав на лавку у письменного стола и уронив лицо в ладони. – Куда она могла податься? И куда пойти?!

В светелке, кроме нее, не было ни одной живой души. И тем не менее, собеседник у правительницы был – или собеседница?

Ручное зеркальце в золоченой раме привычно стояло на ее столе у стены, прислоненное к стопке книг. И отражение смотрело на совсем не по-царски ревущую правительницу сочувственно.

– Она по-прежнему нигде не отражается. Я ее не вижу, – немного виновато произнесло оно.

– Хоть бы жива была, – горько и безнадежно пробормотала правительница. – Что, связывать ее надо было? Или вовсе запереть? Или...

– Может, поговорить надо было попробовать? – негромко спросило зеркало.

– Нет, ну слов же она не понимает! Дурища! – в сердцах воскликнула Наина, и тут же снова шмыгнула носом. – Все одно, это же я, я виновата! Я старше, я должна была...

– Я могу попробовать поискать ближайшее к ней зеркало, – вдруг прервало ее отражение. – Это может быть неточно и непонятно, но...

– Так чего ты медлишь! – Наина Гавриловна вскинулась, ее глаза вспыхнули безумным огнем. – Живо! Показывай!

– Я ищу, – слегка обиженно возразило зеркало. – Тебя бы еще, может, смогла на всяком расстоянии быстро почуять, а... о, нашла! Жива, точно жива! Вот, тут локтей сто до нее, кажется, а от нас – далеке, не скажу точно... четче не получается, и звука не будет, незнакомые все...

Изображение в зеркале сменилось – теперь вместо собственного отражения Наина видела незнакомую комнату. Картинка и впрямь была слегка размытой, но в целом позволяла понять, что происходит. По ту сторону стекла был... мужчина. Темноволосый и какой-то до нереальности красивый – или, может, так казалось в искаженном отражении? Мужчина смотрел в зеркало пристально, неотрывно, ибо был очень занят: он брился. А еще этот красавчик был... обнажен. По крайней мере, по пояс – ниже Наина его, к счастью, не видела.

– Эт-то еще что... – оторопело пробормотала правительница вдруг севшим голосом.

К красавцу в зеркале приблизился второй – такой же голый по пояс, такой же бритый, но с рыжеватыми волосами. А потом мимо прошел еще один – белобрысый, для разнообразия бородатый, весь бугрящийся мышцами...

– К-куда она... попала?! Что это за... – Наина поняла, что ей не хватает воздуха, и приготовилась впервые в жизни упасть в обморок.

Отвлекло ее хлопанье крыльев у окна. Наина с вспыхнувшей – в который раз! – надеждой резко обернулась. Но это оказался не голубь – прямо на ее подоконнике сидел крупный сокол с черными крыльями. Окинув ее внимательным взглядом и клетотнув, крылатый хищник сорвался с места и улетел – почему-то спорхнув вниз, а не вверх.

Поддавшись невольному порыву, Наина подбежала к окну – но птицы уже не увидела. Только хлопнули ворота, да мелькнул край красного плаща. Лишь перышко с грифельно-черными полосками, оставшееся на подоконнике, свидетельствовало, что сокол ей не привиделся. Правительница в задумчивости взяла перышко и покрутила в руках.

...А спустя какую-то минуту в светелку, едва постучав и не дожидаясь позволения, ворвался верный писарь Гришка, тоже не спавший эту ночь – а ну как госпоже что понадобится? Ну как весточка долгожданная придет?

– Простите, государыня, вы велели с вестями в любое время без промедления!

– Ну! – Наина нетерпеливо вскочила.

– Богатырь к вам прибыл от лесной заставы, из особого отряда спецназначения. Говорит, вести у него верные об Алевтине Игнатьевне.

– Живо вели в малый зал просить!

Больше всего хотелось в тот же миг опрометью кинуться следом за писцом, помчаться к этому богатырю, схватить его за грудки и лично вытрясти, что он там знает.

Но правительница Наина слишком хорошо помнила, кто она и что ей надлежит. И знала точно, что завоевать уважение – порой годы нужны, а вот потерять его – и мига хватит. Один взгляд – и ты или гордая всесильная властительница, точно знающая, что делает, или зареванная девчонка, не помнящая себя. Одно дело верный Гришка, выдавший уже и не такое и преданный ей до самозабвения – не зря смышленного сироту пригрела. И совсем другое – богатырь особого отряда.

В отношениях с военными она и без того не первый год по тонкому льду ходила: чуть покажешь слабинку, непременно воеводы начнут роптать, что не дело бабе одной на троне

сидеть, нужен стране сильный царь поскорее... Войско – опора престола, и опора эта должна крепко и без сомнений за спиной властителя стоять. Так ее царь Игнат учил.

А потому вышла она из светелки лишь несколько минут спустя – и на ее лице никто не нашел бы ни единого следа бессонной ночи и пролитых слез. Огненные волосы ее были уложены волосок к волоску венцом вокруг головы, а на платье бы и самый придиричивый взгляд не нашел складочки. Шла быстро, но без суетливости и лишней спешки – гордая правительница с неизменно прямой спиной, высоко поднятой головой и расправленными плечами.

Как полагается, богатырь преклонил колено и встретил ее с почтительно опущенной головой.

– Моя государыня.

– Встань, – Наина коротко сухо кивнула. – Обойдемся без лишних церемоний. Мне передали, что у тебя есть вести о царевне.

– Все так, моя госпожа.

– Верные ли?

– Вернее не бывает, – богатырь едва заметно усмехнулся краешком рта, однако тотчас вернул лицу каменное выражение. – Однако, не сочтите за дерзость, я хотел бы сообщить о них... без лишних ушей, – голос богатыря понизился.

Наина заколебалась. Она принимала вестника в малом зале, в присутствии одной лишь личной стражи да верного Гришки – все мыслимые и немыслимые церемонии и протоколы были уже нарушены... ну так и дело было необычным и не публичным.

– Ты прав, богатырь. Дело это... семейное.

Знаком она отослала Гришку и велела охране отойти. Стражники рассредоточились у стен и выходов. Большого, не нарушая приличий, сделать было нельзя.

За свою безопасность Наина не опасалась: на плече богатыря, как и положено, виднелась форменная пряжка. Такие застегивали при присяге на плащах воевод, членов личной царской стражи... и богатырей специального назначения. Это был особый знак отличия, означавший, в числе прочего, что присягу воин давал не простую, а магическую, и нарушить ее не смог бы, даже если б захотел.

– Что ж, – Наина слегка кивнула, – теперь ты можешь говорить без утайки. Где царевна Алевтина Игнатьевна?

– С царевной все в порядке, ничего дурного с ней не случилось, – медленно произнес воин, неотрывно глядя в глаза правительницы.

– Не тяни, богатырь! – Наина сдвинула брови. – Где она?

– Прежде всего, – в отличие от собеседницы, слегка повысившей голос, богатырь, напротив, стал говорить тише и медленнее, словно подбирая слова, – я бы хотел задать вам вопрос...

– Ты – мне? – брови правительницы поползли вверх, однако, сделав над собой усилие, она сумела удержать себя в руках, лишь лицо ее стало еще чуть надменнее. – Ты забываешься, богатырь!

– Все нет, – а вот воину, похоже, не приходилось прилагать никаких усилий, чтобы оставаться невозмутимым, и это раздражало. Разве что глаза его едва заметно сузились.

– Ты мне присягу приносил!

– Верно, – еще медленнее протянул он, – и клялся в числе прочего стоять на страже законов Тридевятого царства и ни действием, ни бездействием не причинять вреда никому из членов царской фамилии.

– Ах вот как, – в груди Наины будто разом все оборвалось, и она отвернулась, чтобы скрыть все-таки изменившееся выражение лица. Алька, мерзавка! – Что ж. Теперь я верю, что ты впрямь видел Алевтину Игнатьевну и говорил с ней. Я могу поклясться тебе, что всегда действовала и действую лишь в интересах государства и по завету царя Игната... и в интересах

Алевтины, – она подняла руку, и с ладони соскользнула искра, подтверждая клятву. – Ты все еще хочешь задать свой вопрос?

– Нет, – богатырь склонил голову. – Прошу прощения у моей государыни за сомнение.

– Ты должен был это сделать, – холодно ответила Наина. Сомневаться он не должен был, но Алька и впрямь – наследница, а если члены царской семьи говорят разное, не ему меж ними выбирать. Так что, по большому счету, обижаться не на что – проверить он и впрямь был обязан. А все же почему-то было обидно. Может, потому что лицо богатыря оказалось таким знакомым? Если бы это был кто другой...

– Впрочем, – все так же невозмутимо продолжал богатырь, – кое о чем я все же спрошу, если позволите. Государственные интересы требуют, чтобы царевна находилась именно в академии?

– Не твоего это ума дело, воин, но я отвечу. Государственные интересы требуют, чтобы царевна находилась как можно дальше от столицы и от границы с Тридесатым королевством... и была как можно лучше защищена.

– Вот оно что... – богатырь задумчиво наклонил голову к плечу. Спрятать, значит, царевну надо... – Дело в том, что сейчас ее высочество находится именно в таком месте – далеко и защищенном: в тренировочном лагере богатырского отряда. Поскольку по пути в академию она однажды уже сбежала и ей лишь чудом повезло избежать неприятностей, возможно, было бы разумнее пока оставить ее там. Тем более что именно у нас ее едва ли кому-то пришлось бы в голову искать. Да и защиты лучшей не сыскать. Нас семеро – лучших бойцов в стране, каждый давал магическую присягу, каждый жизнь отдаст за нее.

– Даже так... – протянула, не глядя на него. – Значит, и ты отдашь?

– Отдам, – без колебаний подтвердил он.

Наина прикрыла глаза и вовсе развернулась спиной к воину. Оставить Альку на заставе. Звучало это... как ни странно, соблазнительно. Академия надежно защищена, но именно там царевну стали бы искать в первую очередь – известно ведь, что рано или поздно ей придется там учиться.

А так... Алька просто на время исчезнет. И ни сам Елисей, ни шпионы Демара ее не найдут. Сгинула в пути – и все тут. Благо, о том, что Наина разыскивает ее, многие уж знают, шила в мешке долго не утаишь. Личной страже и Гришке разве что помалкивать велеть – да они, впрочем, и без того болтать о государевых делах не станут, лишиться милости никому не захочется. За Елисеем, конечно, придется еще присмотреть – кто знает, на что способны влюбленные юноши. Но главное – царевна и впрямь будет в безопасности. Может, мозги проветрит, в конце концов. А Наина тем временем разберется с Демаром и со всеми прочими внешнеполитическими дрызгами.

Слегка беспокоило разве что то, что девица станет жить в уединенном доме с целым отрядом молодых мужчин... а с другой стороны... Наина внутренне усмехнулась. Она точно знала, что никто из богатырей Альку не обидит – присяга не даст. Если же девчонка влюбится – то оно и к добру. Особый отряд – и впрямь лучшие воины, даже среди богатырей лучшие. Чем не пара такой богатырь для царевны? Во всяком случае, этот выбор будет предпочтительнее, чем...

А учеба... сам Игнат Станиславович в свое время учился в академии заочно – уже после женитьбы на царевне Анне, Алькиной матушке. Может, и Алевтине стоит прежде хоть чуть повзрослеть, а там и сама поймет, для чего это нужно? Не то чтобы на это было слишком много надежды, но на что-то ведь надо надеяться!

Решившись, правительница обернулась к богатырю, неотрывно смотревшему на нее, и едва заметно склонила голову.

– Отчеты будешь мне носить каждую седмицу. Если случится что важное – сообщать немедленно. Я должна знать обо всем, что происходит с царевной. Самой ей о том ведать ни к чему.

И еще... – Наина сделала шаг, подойдя к богатырю так близко, что еще немного – и почувствовала бы его дыхание, и понизила голос до едва слышного. – Не нужно никому знать, что ты носишь мне какие-то вести. Будешь отчитываться мне напрямую, минуя писарей и стражу. Окно знаешь.

Резко развернувшись, Наина, все такая же прямая и величественная, выплыла из зала, успев краем глаза заметить, что лицо богатыря все же изменилось, слегка вытянувшись в изумлении. Внутренне усмехнулась. Что, колдун, думал, не поймет государыня, что за соколы по сигнальным меткам летают да что за гонцы скорее голубей вести приносят?

И только захлопнув за собой дверь собственной светелки, она позволила себе шумно выдохнуть.

– Не узнал... не узнал-таки! – чего было в ее голосе больше, досады или облегчения, она и сама не понимала. Впрочем, в одном была уверена: лучше пусть и дальше не узнает. Для него же лучше! Крепче спать будет...

Но ведь какова Алька! Ишь ты, жизнь он отдаст... впрочем, кто бы сомневался.

Глава четвертая, в которой царевна сталкивается с тяготами и лишениями (не говоря уже о козе)

Утро в лагере богатырей из отряда спецназначения начиналось рано. Подъем с первым петушиным криком, пробежка вокруг поляны, общая разминка и серия тренировочных поединков, а затем обливание из ведра ледяной колодезной водой – все это было обычной ежедневной рутинной.

Рубах на утренние занятия никто не надевал – все одно промокнут, – и уж посмотреть тут было на что! Ах, сколько бы сердце могло быть разбито, доведись девицам Тридевятого (да хоть бы и мужним женам!) хоть одним глазком взглянуть, как борются сошедшиеся в рукопашной могучие Михайла и Олешек; как запросто, будто с пушинкой, управляется с тяжелым копьем Савелий; как блестят капельки пота на лбах Акмаля и Ратмира, натягивающих тетивы луков; как мелькают в руках Анжея и Светика легкие мечи-одноручники... И едва ли хоть одна из дев смогла бы твердо сказать, кто из добрых молодцев больше люб – хороши были все до единого, как на подбор, каждый по-своему.

Увы, единственная девица, у которой был шанс на это диво полюбоваться, сладко спала в этот момент на узком ложе под лестницей и видела даже не десятый, а по меньшей мере двадцатый сон.

Не проснулась она и когда отряд собрался к завтраку. И когда у окна опустился почтовый голубь, а Михайла собрал богатырей, уже занявшихся каждый своими делами, на совещание.

– К Трясинной волости вызов.

– Горынычи опять бузят? – тотчас догадался Савелий.

– Они. Похоже, детишки из последнего выводка подросли, от родителей разлетелись и безобразят. Вразумить бы надо.

Трехголовые летучие змеи, водившиеся только в Трясинной волости Тридевятого, были разумны, и с ними вполне можно было договориться. Более того – Горынычей оставалось совсем мало, во всем мире всего несколько штук и есть, и Совет магов из Города-у-Моря объявил их охраняемым видом, который запрещено истреблять без крайней необходимости.

Конечно, заведись среди них какой безумец, пожирающий людей, уничтожить его бы пришлось. Но молодые Горынычи чаще разграбляли стада да палили для развлечения поля. Родители полагали, что воспитывать взрослых отпрысков все равно поздно, и философски предоставляли тем набивать собственные шишки. Поэтому карательно-воспитательная миссия доставалась богатырям-защитникам, за которыми посылали местные жители.

Учитывая, что лет 15 назад на радость ученым и на горе окрестным крестьянам Горыновна снесла вместо одного целых три яйца, и все три детеныша благополучно вылупились и принялись не по дням, а по часам расти, дело богатырям предстояло нешуточное. Молодые Горынычи характером напоминали особо злых и несдержанных человеческих подростков, только размером были с дом, да еще дышали огнем. С годами, конечно, остепенятся, образуются, а только жителям волости от того не легче – им до того светлого мига дожить еще надо.

Трясинная располагалась неблизко, ну да с чародейным клубком да *иными путями* дальних дорог не бывает. Верхом за два-три дня можно и обернуться. Вот только...

Все богатыри разом обернулись к углу, в котором, сладко посапывая, продолжала спать царевна.

– Разделиться надо, – подтвердил общие мысли Михайла.

Вообще-то отряд мало на какие задания отправлялся в полном составе – порой достаточно было двоих или троих богатырей. По меньшей мере кто-то один всегда оставался на

хозяйстве. Но сейчас задача предстояла непростая, и лишние войны бы в походе не помешали. Однако и царевну оставлять без присмотра и надежной охраны нельзя.

– Вчетвером поедем. Останутся... Савелий, Святослав, Ратмир.

Савелий только молча кивнул. Светик тяжело вздохнул – нелегка доля ученика: вечно все самое интересное без него! Ратмир же вскинулся, явно желая возразить, но Михайла непреклонно мотнул головой.

– Ты нынче и без того летал всю ночь. От уставшего воина толку мало.

Колдун нахмурился, явно не соглашаясь с этим утверждением, однако сказал другое:

– А коли подпалят кого?

– Соберешь нам притирок своих с собой. Ничего, до дому добраться авось сдюжим, а уж тут ты подлечишь. Не бойсь, – тут глава отряда позволил себе чуть усмехнуться, – чешуи с хвостов на декокты тебе привезем.

Лекарь отряда только поджал губы и кивнул. Приказы старшины не оспариваются... а очень хочется!

Не то чтобы Ратмир имел что-то против Алевтины лично. Просто он слишком хорошо знал, что женщинам доверять нельзя. Особенно красивым женщинам. Особенно тем, что представляются невинными жертвами.

Правительница Наина тоже была женщиной, и несомненно красивой... но она, по крайности, и не скрывала ничего. Глянешь на нее – и сразу ясно: не стоит у такой на пути становиться. Раздавит одним ногтем и слезинки не проронит. Это честнее. А для правителя, может, и не так уж плохо быть жестким. Всех не нажалеешься, а ей о целом государстве надо печься.

От Алевтины же и вовсе непонятно, чего ждать – это-то и не нравилось колдуну. Впрочем, бегать от своего долга Ратмир не собирался, а приказ есть приказ. Даже если больше всего хочется сразиться хоть с десятком буйных Горынычей, лишь бы не нянчиться с капризной девицей.

Первое, что поняла царевна Алевтина Игнатьевна по пробуждении, – это то, что она выпалась. Кажется, на полжизни вперед выпалась! Второе, что она поняла – это то, что она ничего не понимает.

С богатырями она как будто разговаривала незадолго до обеденного времени. А сейчас, похоже, было утро. Не могла ведь она проспять без малого целый день и ночь? Или могла?

А еще вокруг как-то странно тихо. И куда все подевались?

Царевна приподняла голову, обнаружив заодно, что кто-то заботливо укрыл ее одеялом. А вот раздевать, конечно, никто не стал – некому было, так что на ней все то же драное и грязное платье, в котором по лесу пробиралась. Эх, в баньку бы сейчас... но сначала нужно выяснить, до чего тут без нее богатыри договорились.

Договорились... без нее! Алька вдруг осознала, *кто* и *как* ее усыпил и буквально взвилась с постели. Вот... колдун-недоучка! Чародей проклятый! Мерзавец, как и все они!

Комната оказалась не пуста. На лавке у стола сидел Савелий и сосредоточенно подшивал рубаху. А вот остальных хозяев дома что-то не видеть и не слышать.

– Проснулась? – Савелий поднял голову. – Здорова же ты спать, царевна! Вставай, иди, квасу испей али компоту. Вон там, в закуте кувшины. А там в баньку сходишь – топить к вечеру будем, а теперь в умывальне можешь обмыться, там и найдешь все нужное.

– А где все? – настороженно спросила Алька, подходя к столу.

– Светик в село за лесом поехал, надо из овощей кой-чего закупить, – обстоятельно начал богатырь, – Ратмир у себя, зелья свои варит. А остальные братья на задании.

– Задании? Каком? – тут царевна вдруг осознала, что вообще довольно слабо представляет, чем обычно занимаются богатыри. Вроде бы... подвиги совершают? Защищают? Но кого и от чего? – А что вы вообще обычно делаете? Ну... чем занимаются богатыри?

Савелий недоверчиво уставился на нее, тихонько засмеялся и покачал головой.

– Даааа... а говоришь – правительница! А сама и не знаешь, чем в стране войсковые части заняты. Людей мы защищаем. Как где какое чудо-юдо недоброе заведется али еще какая беда приключится, так за нами и посылают. Лихо одноглазое в лесу заведется, аспид прилетит... а то, бывает, какой колдун-самоучка нахозяйничает, так и упыри с вурдалаками ползут.

– У вас самих такой колдун в отряде, – тотчас надулась Алевтина. – Как он вообще посмел меня усыплять!

– Так ведь ты спать хотела, – таким ясным взглядом посмотрел на нее богатырь, что Алька чуть сама не поверила, что носатый Ратмир всего лишь хотел ей помочь. А то ведь ей, бедняжке, без него никак не уснуть было! Савелий между тем посерьезнел. – Ты Ратмира не трожь. Не чета он другим колдунам без диплома. Характер у него не сахар, да не его в том вина. У него своя... история.

Впрочем, Алька уже налила себе кваса, уселась на лавку и пришла в чуть более благодушное настроение. Злиться на самоуправство Ратмира она, конечно, не перестала, но любопытство все же было сильнее.

– У всех своя история, – буркнула она. – А куда они сейчас поехали? А почему вы трое не поехали? Ой, а почему ты сам рубаху подшиваешь? А прислуга ваша где?

Савелий снова добродушно рассмеялся и начал отвечать с последнего вопроса.

– Не полагается богатырям прислуги. Воин сам все уметь должен. В походе некому за тебя ни одежду разорванную подшить, ни постирать, ни еды сготовить.

– Так то ж в походе!

– Ежели воин от своей неумелой стряпни в походе животом маяться будет, много не навоеует. Богатырь должен уметь и о себе позаботиться, и о товарище раненом, коли нужда выйдет, а то и об иных потерпевших. Вот Светик у нас пока в готовке не силен – как его дежурство, так и каша пересолена, и хлеб горелый. Ну да ничего – научится. В воинских искусствах мы между походами каждый день тренируемся. Вот и здесь так. Во всем тренировка нужна. У нас тут и хозяйство свое есть – и коза, и куры. Дичь в лесу бьем все больше, вот за овощами в поселок ездим разве. А готовим сами, по очереди, и убираем, а когда надо, и шьем, и плотничаем. Вот Светик вернется, будет себе ложе новое мастерить, наверху поставим, раз уж здесь теперь твое место.

Алька слегка покраснела. Как-то ей не приходила раньше в голову мысль, что из-за нее хозяевам дома приходится потесниться. Интересно, а сегодня-то Светик где спал? А еще никак не удавалось представить ни веселого Анжея, ни мрачного Ратмира (не говоря уже о суровом Михайле!) за дойкой козы.

А когда Савелий объяснил ей, отчего отряд отправился на серьезное задание малым составом... тут уж крепко царевна призадумалась. Вроде бы и не упрекали ее ни в чем. И говорил богатырь, как о чем-то само собой разумеющемся. В самом деле, царскому высочеству охрана нужна. Не с собой же им ее в опасный поход брать! А отчего-то крепко не по себе стало.

И хотелось бы сказать – не надо мне никакой охраны, отправляйтесь на свои подвиги, людей спасайте... а только представилось сразу, каково может быть ночевать одной в пустом доме в глухом лесу. Страшно! А кушать что? С какой стороны к печи подходить, она и понятия не имела.

И вдруг с обжигающим стыдом поняла Алька, что думает о хозяевах приютившего ее дома как... о прислуге. Тех, кто должен о ней заботиться, кормить-поить, все нужды обеспечивать. То есть, конечно, если разобраться, то и должны. Все же она царевна, как-никак, а они на службе! А только и они вроде не крестьяне. У них – свое дело есть, важное и нужное. И неизвестно, сколько ей тут Елисея ждать. Нет, конечно, она потом их как положено наградит. Когда на трон взойдет. Только это когда еще будет!

– Я... я не буду обузой! – решительно объявила она. – Я тоже помогать могу. То есть я пока не умею, но я смогу! Я... буду хозяйство у вас вести, вот.

Ну в самом деле, что тут сложного-то – хозяйство вести? Особенно если ей кто покажет сначала. Если уж богатыри справляются! Да любая крестьянская девка справляется. Чем же это она, царевна, хуже может быть? Вряд ли там уж такая наука великая! Уж всяко проще, чем Наинины задачки решать.

Савелий степенно кивнул, будто иного и не ожидал.

– Оно и верно. Коль уж ты у нас тут прячешься вроде как, так надо и объяснять как-то, кто ты такая, случись кому к нам зайти. У нас тут и гонцы бывают – даже случается заночевать кому, иной раз путник какой забредет, а то из деревни пришлют мальчонку за какой надобностью. Увидит тебя кто, мигом слух пойдет, что на лесной заставе важная гостья объявилась. А тебя ищут. Тотчас и найдут все, кому надо. А так – как случится кто, всегда можно сказать, что ты работницей к нам наниматься пришла.

– Сказать-то и так можно, – отмахнулась Алька. – А я в самом деле...

– Э, нет. Кто ж поверит, что работница праздно слоняется, пока хозяева все, как один, делом заняты? Не бывает такого. А вот как с метлой тебя увидят, а то с подойником – так и вопросов не будет.

– С метлой? – растерянно переспросила царевна. – П-подойником?

Объявляя, что станет помогать богатырям по хозяйству, Алька как-то не думала о подробностях. Собственно, все ее представления о ведении домашнего хозяйства начинались со слов “велеть девкам...”. А ежели нет никаких девок? Это... это как же?! Ой, мамочки...

– А как же? Да ты не пужайся так, я ж покажу все. Невелика наука-то. Сегодня и покажу, а завтра сама попробуешь. Глядишь, братья из похода вернутся – а ты уж их и разносолами встретишь.

Савелий хитро усмехался в бороду, рассказывая, как все просто, и чуялся в этой простоте какой-то подвох. Однако Алька привыкла быть хозяйкой своему слову. Отступать-то поздно! За язык никто не тянул, а струсить теперь – позору не оберешься... Поэтому, крепко зажмурившись и чувствуя себя по меньшей мере легендарной героиней, царевна отважно выпалила:

– Я готова! Показывай, где тут у вас... метла!

Утро нового дня встретило царевну неласково. Да и началось-то оно в тот час, в какой Алька обычно самый сладкий сон досматривала, с боку на бок переворачиваясь. Только-только петух где-то заголосил, а за окошком едва светать начало – а кто-то уж за плечо трясет.

– Просыпайся, царевна!

– У-уйди, дядько Семен, не хочу сегодня на лошади кататься... – Алька, перевернувшись на живот, сунула голову под подушку, но все равно расслышала какой-то одновременно ехидный и добродушный смешок.

Дядька Семен никогда б над ней смеяться себе не позволил... да и в опочивальню бы к ней не зашел, невозможно ведь мужику в девичью-то, и в терем бы вовсе не поднялся... ой! Так она ведь не дома!

Резко распахнув глаза и снова перевернувшись, царевна едва не упала с узкого ложа и рывком села.

– Вот и ладушки, – снова усмехнулся... конечно, никакой не дядька Семен, а вовсе богатырь Савелий – и отступил, задернув за собой занавеску, чтоб царевна без стеснения одеться могла.

Это Светик вчера еще прежде, чем новое ложе для себя, смастерил царевне загородку с занавеской – чтоб ее угол под лестницей от общей передней отделить. А из поселка за лесом он не только овощи привез, но и одежду для высокой гостьи – несколько сорочек и нижних рубах, пару сарафанов, еще кой-какие мелочи, что бабы местные в узелок собрали. Вся одежда

крестьянская, конечно, грубого полотна – да всяко лучше, чем свое богатое, да драное платье. Отдавал, краснея и заикаясь, а только Алевтина чуть не расцеловать его была готова за такой подарок. Так она еще ни одной обнове не радовалась. Уж больно не хотелось грязное рваньё после бани снова натягивать.

Мысль о том, что ей предстоит, окатила не хуже ледяной воды. Собиралась царевна в это утро, как на бой, и крестьянский сарафан натягивала, как латы. Ну, как дядька Семен говаривал – охота пуще неволи! Небось сама вызвалась!

Первым делом – в умывальню при бане, поплескать в лицо ледяной водой из ушата, разгоняя остатки сонной одури. Потом – можно компоту хлебнуть, собираясь с духом. Завтракать – это потом, так Савелий говорил. Завтрак еще и приготовить надо. На всех. Но сначала – курам зерна задать и козу подоить. Поразмыслив, царевна решила начать с того, что попроще. Куры выглядели безобиднее.

Выйдя во двор, Алевтина обнаружила, что все трое богатырей тоже уже на ногах – кругами вокруг поляны бегают.

Об утренних занятиях Савелий вчера рассказывал, так что куда и зачем так стремительно и дружно мчатся богатыри, она понимала. Но выглядело это такой ерундой, что царевна пренебрежительно хмыкнула.

– Ишь ты... – пробормотала она. – Бегают они! Как будто дел других нет. А ты тут работай за них!

Чувствуя себя единственной здесь, кто занят настоящим делом, Алька зашла в амбар, зачерпнула ковшом зерна и отправилась на задний двор – к курам.

Кур было немного: всего четыре несушки да один рыжий петух, который сидел на околыше заборчика и как раз собирался дальше распеваться. Петух посмотрел на Альку одним глазом, наклонив голову, и чуялось в этом взгляде что-то недоброе.

На всякий случай погрозив ему пальцем, царевна отодвинула загородку заборчика.

– Цыпа-цыпа? – неуверенно сказала она и сделала осторожный шаг за загородку.

Звать кур, как оказалось, не требовалось. С оглушительным кудахтаньем, хлопая крыльями, четыре пернатых снаряда кинулись под ноги Альке и едва не сшибли ее, заставив отшатнуться. Схватившись за загородку, она с трудом устояла, взвизгнула и отскочила в сторону.

– Ой, мамочки! Да что же вас – год не кормили? Да врете вы все, я сама видела, вчера Савелий кормил!

Однако курам, кажется, не было совершенно никакого дела до того, кто и кого кормил там вчера. Куры были сегодняшние и голодные. И куры наступали. С таким свирепым и сосредоточенным квохтанием, как будто собирались разорвать на части и с аппетитом слопать саму царевну.

Мелкими шажочками Алевтина отступила еще немного, прижимая к себе ковшик с зерном.

– Нет, ну... дайте, я зайду, насыплю вам еды... – робко попросила она. – Пожалуйста...

Куры начали обходной маневр, похоже, собираясь взять ее в окружение.

Где-то поодаль послышалось бодрое топанье. Богатыри! Бегут, родименькие! Сейчас они увидят, что творится, и спасут ее от этих чудищ!

Алька с надеждой обернулась. Пробегающий мимо Ратмир только злобно зыркнул на нее. Впрочем, от него она иного и не ждала. Светик и Савелий дружно разулыбались, помахали руками, не сбавляя ходу, и... потрусили дальше.

– А... – царевна растерянно уставилась в удаляющиеся спины. – Как же...

Кто-то требовательно клюнул ее в ногу, царевна снова взвизгнула и отскочила, а потом, разозлившись, пнула обнаглевшую курицу. Та с бешеным кудахтаньем взвилась невысоко в воздух.

И тут на землю перед Алькой, как раз между ней и “обиженной” курицей, спланировал петух. Растопырив крылья и распушив перья на шее, он принялся наступать на Альку с таким видом, будто каждый день ел на завтрак по красной девице. При этом он издавал kloкочущие горловые звуки, в коих слышалось отчетливо ругательное.

– Ты... – Алька поняла, что голос у нее вдруг как-то сел. – Ты чего это?..

В этот момент петух наконец прыгнул – все так же топыря крылья и метя клювом прямо в царевнины коленки.

Снова взвизгнув, Алька отскочила и попыталась пнуть уже петуха – на что тот отреагировал новым броском – и на этот раз достал. На царевне были и сарафан, и поддевка, однако и клюв у защитника курятника оказался будто стальным. Завопив, Алевтина, прежде чем кинуться наутек, отмахнулась ковшом – и зерно веером полетело в разные стороны. Куры с радостным квохтанием высыпали из загородки полным составом и принялись склевывать зерно с земли.

Впрочем, этого царевна уже не видела. Потому что, подобрав подол, с воплями нарезала по заднему двору круги, спасаясь от своего преследователя. Петуха не взволновало даже зерно: куда важнее было утвердить свою власть и показать, кто здесь главный, этой наглой девице.

– Я из тебя суп сварю! С потрохами! – вопила царевна на бегу несбыточное.

*

Закончив пробежку, богатыри собирались уже приступить к разминке. Вот только вопли с заднего двора заставляли настороженно оглядываться.

– Надо бы глянуть, как там наша царевна, – как бы между прочим заметил Савелий. Но первым из-за угла выглянул Светик.

– Ой... ну, вроде как... кур кормит.

– Ага, – глубокомысленно покивал Савелий, выглянув следом. – Ну, чего... бегать – оно полезно. Даже девицам.

– А куры-то не разбегутся?

– Да чего ж они – дуры, что ли? Вернутся. Вон, петух загонит. Как царевну выгонит, так и их загонит.

– Как бы она мне грядки не потоптала, – озабоченно нахмурился Ратмир.

Аптекарский огороδικ Ратмира располагался дальше. Росли в нем исключительно целебные травы – некоторые редкие, а то и вовсе бесценные.

– Да не должна бы, – Савелий пожал плечами и проследил глазами, как царевна, с визгом на бегу лихо перемахнув через очередной невысокий заборчик, умчалась к амбарам, а петух, наконец остановившись, победоносно заклекотал и гордо прошествовал обратно к своей загородке. – Светик, поди-ка, ковшик подбери. Что-то думается мне, не станет наша царевна за ним возвращаться.

*

Забежав за угол амбара, Алька оглянулась, убедилась, что преследователь наконец отстал, и остановилась, наклонившись и уперев руки в коленки, чтобы отдышаться. У-уф! Это что же у них тут – и зверье боевое?! Может, они на петухах сначала тренируются – ну, перед тем как всяким там Горынычам головы рубить? Так предупреждать же надо!

Может, ну его все? Вернуться в дом, швырнуть Савелию гордо ковшик в лицо... ой, нет, ковшик не получится, он на поле боя где-то остался... Ну, без ковшика. Встать эдак гордо, вот как Наинка вечно, задрав подбородок, указания раздает, и объявить торжественно: “Не надлежит царевне...”

Тьфу! Почему-то Альке так и представилась эта фраза Наинкиным голосом. А еще – как презрительно скривится противный Ратмир, который, конечно же, иного и не ожидал. И как искренне и оттого особенно обидно прыснет в кулачок Светик. И как будут хохотать потом все

прочие богатыри, когда им все расскажут. Как царевна за курами ходила... ну, или как куры за царевной... бегали.

Ну уж нет! Алька все-таки задрала подбородок, точь-в-точь как Наинка. Не бывать тому! Что там на очереди? Коза? Небось думали испугать царевну? Ха! Да она к лошадям подходить не боялась и даже ездить на них, что ей какая-то коза!

Тем более Савелий говорил, “Милуша у нас тихая”. Что ей тихая коза сделает, в конце концов?

Не давая себе времени на размышления, царевна сбегала, как учил Савелий, вымыть руки, подхватила ведро и решительно направилась к сараю с загончиком, где мирно стояла, меланхолично что-то пожевывая, белая коза.

При виде изогнутых рогов (вчера ведь меньше как будто были! Или так казалось?) решимости у Алевтины несколько поубавилось, но не настолько, чтобы вот прямо сейчас отступить.

Храбрясь, царевна наставила на козу палец и громко объявила:

– Имей в виду, если ты меня забодаешь, это будет царубийство!

Коза посмотрела на нее со вселенской грустью во взгляде и промолчала.

– То-то же! – торжествуя добавила царевна тоном ниже. – Нечего мне тут!

Чуть дрожащей рукой она откинула крючок, открывая дверцу загона, и шагнула внутрь. Коза не двигалась.

– Ну вот, – подбадривая себя, Алька делала один осторожный шаг за другим. – И совсем ты и не страшная, да? Вооот. Я так и знала. Хорошая славная козочка. Ты, главное, стой вот так, а я тебя дергать... то есть доить буду. Сейчас.

Для дойки у самого заборчика стояла низенькая скамеечка, сидеть на которой можно было только скрючившись в три погибели. Осторожно подтянув скамеечку к козе и поставив под вымя ведро, царевна завернулась крендельком и кое-как уселась. Коза, по-прежнему не двигаясь с места, с усталым любопытством наблюдала за ее манипуляциями.

– Ну вот... как там Савелий показывал? Сначала помять... Как ее мять-то? А потом... потом за вот здесь дергать, да?

Накануне богатырь не только при ней подоил козу, подробно все объясняя, но и дал Альке самой попробовать – осторожно взяться за соски и потянуть. Потом, правда, она руки сразу отдернула, вытирая их о подол, и тут же спрятала за спину. Но теперь-то деваться некуда – Савелия рядом нет.

Наконец решившись, Алевтина крепко зажмурилась, резко выбросила вперед руки и крепко схватила козу за вымя.

Коза от неожиданности подскочила на месте, едва не опрокинув царевну вместе со скамеечкой, и жалобно взблеяла.

– Ой! – Алька сначала испугалась, а потом снова разозлилась. – Ты чего это? А ну не смей ронять мое высочество! Рога обломаю!

На этот раз осторожно она снова взялась за длинные соски на набухшем вымени и медленно потянула. В ведро брызнула тонкая струйка молока. При этом царевна так удивилась, как будто не этого и добивалась.

– Ой! Это что же... получается?! – от радости она снова дернула посильнее, и коза снова подскочила – но на этот раз одними задними ногами, прицельно сбив ведро прямо на царевну. Молока в нем было немного, так что только подол чуть намок, зато Алька на этот раз все-таки опрокинулась со скамеечки. Впрочем, она тут же с рычанием поднялась, а коза, снова жалобно заблеяв, слегка отступила.

*

Когда грязная по уши, покрытая наливающимися синяками и совершенно озверевшая царевна зашла в дом, богатыри успели не только закончить свои занятия, но и приготовить

завтрак – котел с кашей уже исходил ароматным паром на столе. Вокруг него были расставлены четыре тарелки – на всех едоков, а мужчины рассаживались по скамьям.

Оглядев безумным взглядом эту картину, Алька шмякнула ведро об пол и уперла руки в боки. На дне как будто что-то плескалось.

– Молочка вам принесла, – свирепо сообщила она. – К завтраку. Чего вам тут еще надо? Полы помыть? Новый дом построить?

Богатыри дружно смотрели на нее и молчали.

– Может, огород прополоть? – разошлась Алевтина. Какие-то вроде бы она видела за амбарами грядки.

– Убью, – негромко, но оттого особенно проникновенно сообщил Ратмир. И едва взглянув на него, Алька как-то сразу догадалась, что предупреждать его насчет царубийства не стоит.

– Ты бы, царевна, умылась, – кашлянул наконец Савелий. – Вот водичкой холодной ополоснешься, сразу и жить легче станет...

Не говоря больше ни слова, царевна резко развернулась и вышла.

– А зачем ты ей поручил-то вот это все? – несмело спросил Светик у старшего товарища по отряду. – Ну... с козой и вот с курами. Ну, ясно же, царевна все ж, не царское оно дело...

– Совсем без дела оставлять тоже никак невозможно, – вздохнул Савелий. – Не то она, чего доброго, и впрямь возьмется восстание поднимать. Я даже не удивлюсь, коли и подымет.

Ратмир, выбравшись из-за стола, подошел к ведру и заглянул в него. На самом доньшке и впрямь обнаружилось молоко – правда, какое-то подозрительно сероватое, будто вперемешку с грязью. Не отрывая от него задумчивого взгляда, колдун протянул:

– Я вот тут подумал... может, царевне стоило бы еще немного поспать... и выспаться?

– Немного – это сколько? – крякнул заместитель старшины.

– Ну... – колдун ковырнул носком сапога пол, – пока нужда ее прятать не отпадет?

– Царица осерчает, – с сожалением снова вздохнул Савелий. – Невозможно...

Глава пятая, в которой повествуется о благодарности царской семьи

День только начинался, а царевна уже чувствовала себя так, будто одна сразилась с десятком чудовищ. Собственно говоря, так оно и было. Десяток – не десяток, но...

Алька вздохнула. Умывание действительно помогло, и собственная вспышка стала казаться глупой и стыдной. Сама вызвалась, сама набедокурила, сама разозлилась... богатыри-то причём? И вот как теперь им на глаза показываться?

Она уныло рассматривала собственное отражение в ушате с водой. Переодеться бы – сарафан теперь выглядит ничуть не лучше, чем ее прежнее платье. А уж пахнет...

Но для переодевания придется как-то пройти через переднюю, где сидят мужчины, в свой угол за занавеской. А еще уже и кушать хочется... как ни крути, в дом возвращаться придется.

В конце концов царевна все-таки решила – прошествовала мимо богатырей, гордо вздернув голову, но красная, как мак. Воины не смеялись над ней, да и вовсе особенного внимания не обратили, продолжая мирно беседовать между собой. Будто так и надо. Пошуршала за своей загородкой, переодеваясь.

А потом присела на узком ложе, не зная, как быть дальше. И почти в тот же миг ее окликнул голос Савелия:

– Алевтина Игнатьевна! Уж не побрезгуй нашей трапезой. Откушай с нами.

Молча она прошла к столу и присела перед своей тарелкой. И обнаружила, что без нее никто к трапезе не приступал – ждали. Не говоря ни слова, положила себе в миску каши и начала есть. Мужчины зашевелились, тоже набрали себе еды, не переставая переговариваться о своих делах.

И постепенно Алька выдохнула. Ну... ничего же, в конце концов, страшного не случилось, да? Дядька Семен говорил, с первого раза ни у кого ничего не выходит путного. А что кричала и чуть ногами не топала – так... ну... у девиц, говорят, душевная организация тонкая. Особо у знатных. Вот. Вон, и не удивился никто. Все в порядке, значит.

И дождавшись, когда в разговоре возникнет пауза, она решила наконец тоже включиться в беседу, задав ничего не значащий вопрос.

– А почему вы зовете друг друга братьями?

По богатырям вполне ясно было, что родными братьями они друг другу никак приходится не могут. Вон, Анжей и Акмаль, похоже, вовсе и не из Тридевятого родом. Алька знала, что в богатыри спецназначения берут независимо ни от рода-племени, ни от знатности: важны были лишь воинские умения да отвага. А верность престолу обеспечивала магическая присяга.

– А как же? – удивился самый говорливый Савелий. Ратмир при царевне все больше молчал, а Светик, похоже, слегка робел ее. – Братья мы и есть. По оружию. Каждый другому спину в бою прикрывал, каждый другого раненым из сражения выносил. И кровь свою мы не раз на поле брани смешали.

– Ясно, – протянула царевна и вздохнула. – У меня тоже была когда-то... названная сестра.

Алька невесело усмехнулась. Как-то она разговорилась с одним из иноземных послов и выяснила забавную вещь. Кем приходится друг другу Наина и Алевтина, никакой тайной не было. Однако, если не знать всей истории, едва ли это кому-то пришло бы в голову: ведь и отчества у них разные, да и первая наследница – отчего-то младшая. Оказалось, в иных землях правду знали лишь те, кто нарочно интересовался. Прочие же предполагали самое простое и

логичное – что регентом при юной царевне назначена была то ли сестра царя Игната, то ли вовсе вторая жена – Алькина мачеха. И уж никак не собственная ее сестра. Старшая.

*

Вся эта история началась давным-давно – задолго до рождения и Алевтины, и даже Наины. Когда в ворота царского терема постучалась оборванная девица – как выяснилось позднее, сирота-погорелица по имени Аграфена. Или попросту – Фенька. Девчонка молила о любой работе – хоть судомойкой, хоть поломойкой, лишь бы было где голову приклонить, за труды же просила корку хлеба.

Во все иные ворота она уж стучалась – иначе не нашла бы в себе такой смелости. Тогда же Аграфена была в таком отчаянии, что едва понимала, куда явилась. Стражники прогнали бы ее враз – место в услужении в царском тереме какой-то оборванке, ишь чего захотела! – не случись в тот миг рядом юной тогда царевны Анны. Царскую дочь растрогала история нищей девчонки немногим старше нее, и она велела впустить сироту, накормить, одеть и дать работу по силам.

Аграфена оказалась так трудолюбива и старательна, что из полумоек быстро выбилась в сенные девки, а там и в горничные. Обучалась она с усердием, была мила, приветлива и расторопна – и в конце концов удостоилась чести прислуживать лично наследнице престола. И не было у царевны Анны служанки преданнее Фени, помнившей, кому обязана своим счастьем и сытой жизнью.

Личная горничная самой наследницы, обласканная ее милостями, и невестой стала завидной. И приданое от щедрот госпожи у нее вскоре скопилось изрядное. Жениться на ней был бы рад любой из холостых старших слуг, а то и купцов – но выбрала Аграфена простого конюха Гаврилу, служившего на царской же конюшне. Выйдя замуж, свою госпожу она не оставила, и лишь когда родилась у Фени с Гаврилой дочь, пришлось на время покинуть службу. Впрочем, царевна Анна помнила о верной служанке, всегда интересовалась ее жизнью и посылала подарки маленькой Наинке. А когда Наина чуть подросла, Феня попросилась снова на службу – и царевна ее приняла.

Служила она Анне и когда та вышла замуж – по великой любви и с благословения родителей – за богатыря Игната. И когда Анна с Игнатом взошли на престол. А когда родилась у них дочь – маленькая наследница Аля, Феня нянчилась с ней едва ли не больше кормилиц. Царица же продолжала передавать подарки и не раз говорила, что, возможно, однажды Наина станет будущей царице Алевтине столь же преданной наперсницей. И Аграфена радостно кивала – лучшей доли для дочери она и помыслить себе не могла.

Беда случилась поздним вечером, когда у Фени был выходной. Царь Игнат в тот день тоже в отъезде случился – уезжал войска смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.